

СЛОВАРЬ СОЦИОЛИНГВИСТА

SOCIOLINGUISTIC GLOSSARY

<https://doi.org/10.37892/2713-2951-2-22-210-224>

ЯЗЫКОВЫЕ ИДЕОЛОГИИ

LANGUAGE IDEOLOGIES

1 | Введение

Исследования языковых (= лингвистических) идеологий (англ. *linguistic ideologies*, *language ideologies*, *ideologies of language*) представляют собой актуальное и бурно развивающееся направление в социолингвистике и лингвистической антропологии, изучающее индивидуальные и (преимущественно) коллективные представления о языке, его роли в обществе и внутреннем устройстве. Подчеркнем, что это не объективные факты о языке, а субъективные и часто эмоционально окрашенные «мифы» о том:

- какой язык «красивее», «более развит», «древнее» и т. д.;
- какой язык/вариант языка является «правильным» или «престижным» и наоборот;
- кто говорит «хорошо», а кто – «плохо», «неграмотно»;
- как язык связан с национальной идентичностью, моралью, интеллектом и социальным статусом.

Языковые идеологии связаны не только с языком; «они устанавливают связи между языком и другими социальными явлениями, от идентичности (этнической, гендерной, расовой, национальной, местной, возрастной, субкультурной), через представления о личности, надлежащих человеческих качествах, интеллекте, эстетике и морали до таких понятий, как истина, универсальность, аутентичность» [Woolard, 2021: 2].

Языковые идеологии – это ментальные конструкции, которые проявляются не только в виде вербализаций, но и воплощаются в языковых и жизненных практиках людей, а также в материальных явлениях, таких как визуальные презентации [там же] (например, в языковом ландшафте). *Ментальное и социальное* – две стороны (языковых) идеологий. Будучи представленными у людей «в голове», они социальны – их разделяют другие люди как члены той или иной группы; они усваиваются, формируются и применяются в социальных ситуациях при определенных социальных же обстоятельствах (экономических, исторических) и имеют социальные последствия [ван Дейк, 1989].

Вопрос о языковых идеологиях (далее – ЯИ), если рассматривать его во всей полноте, крайне сложен. В данном обзоре будут рассмотрены только некоторые моменты, наиболее существенные для понимания и использования данного термина.

2 | Исследования языковых идеологий: краткий исторический экскурс

Сложность изучения ЯИ связана со многими факторами. В их число входит географическая привязка и национальные традиции исследования идеологий вообще и языковых идеологий как их подвида. Картина тут далеко не однозначна: большинство известных авторов, занимающихся этими вопросами, начиная с М. Сильверстайна (который считается основоположником изучения языковых идеологий), представляют североамериканскую традицию лингвоантропологических исследований, связанную сегодня, в первую очередь, с такими именами, как Дж. Ирвин, С. Гэл, П. Кроскрити, К. Вулард и некоторые другие [см. об этом, например, Kroskrity, 2010: 192; Blommaert 2006]. Сильверстайн определял языковые (лингвистические) идеологии как «любые наборы убеждений о языке, сформулированные пользователями в качестве рационализации или оправдания воспринимаемой языковой структуры и использования языка» [Silverstein 1979: 193].

При этом существует и европейская традиция, для которой идеологическая природа языка была очевидна еще до второй мировой войны. О пренебрежении европейской (особенно марксистской) традицией, согласно которой роль идеологии в социальной организации имеет первостепенное значение, пишет, например, И. Пиллер, приводя пример работы В. Волошинова «Марксизм и философия языка», которая была опубликована на русском языке в 1929 г., а переведена на английский язык только в 1973 г. Игнорирование европейских исследований в англоязычной традиции Пиллер объясняет либо поздним переводом европейских работ (как в случае с Волошиновым), либо их отсутствием [Piller, 2015: 2-3].

Например, концепция идеологии и субъекта, предложенная во Франции в 1970-х гг. неомарксистом Луи Альтюссером, является развитием идей Э. Бенвениста, В.Н. Волошинова, М. Пэшё о роли субъекта в языке, гетерогенности, полифонии и диалогизме дискурса. Л. Альтюссер выдвигал понятие «эффекта субъекта» (*l' effet-sujet*) как нечто такое, посредством чего субъект утверждает себя в качестве единственного источника смысла своего дискурса, тогда как в действительности он весь пронизан словами, которые не являются его собственными словами. Иначе говоря, субъект для Альтюссера – это не исходная точка, а результат некоей конструкции, сделанной из дискурсов – конструкции, имя которой господствующая идеология [Цит по: Серио, 1993: 86]. Идеология, по Альтюссеру – это

«представление» о воображаемых отношениях индивидуумов с реальными условиями их существования, она существует только в субъекте и для субъекта, но при этом обладает материальным существованием. Под материальным существованием Альтюссер понимает всю ритуализованную деятельность людей: мессу в небольшой церкви, погребение, день занятий в школе и так далее. Другими словами, идеология всегда существует в практиках ИАГ – идеологических аппаратов государства (религиозном ИАГ, школьном ИАГ и т.д.) [Альтюссер, 1970].

Его ученики – М. Фуко, П. Бурдье, Ж. Деррида – сами стали впоследствии учеными, оказавшими огромное влияние на современную общественную мысль, в том числе и в области изучения вопросов власти и дискурса. Идеи Альтюссера прослеживаются и разрабатываются еще глубже и в концепции габитуса и символических систем П. Бурдье, и в институциональных дискурсах М. Фуко. Если исходить из традиции М. Фуко, понимавшего под дискурсом течение «знания» через время (“den Fluss von ‘Wissen’ durch die Zeit”) [Foucault, 1988] и дифференцировавшего в современном обществе высокоуровневые специализированные области знания, каждая из которых сформировала специальные дискурсы, то изучение языковых идеологий связано с изучением институциональных значений и оценок, которые систематически выражаются в соответствующих дискурсах. В традиции П. Бурдье языковые идеологии представляют собой символическую продукцию как инструмент господства. Язык, наряду с искусством и религией, представляет собой одну из «символических систем», которые П. Бурдье называет структурирующими структурами, выполняющими функцию средства навязывания или легитимации политического господства (символического насилия) и участвующими таким образом в том, что М. Вебер называл «приручением подвластных» [Бурдье, 2007: 88-92].

Однако историю становления ЯИ как сферы исследования можно проследить и глубже, до более ранних исторических эпох, как это сделано в книге Р. Баумана и Ч. Л. Бриггса «Голоса современности: языковые идеологии и политика неравенства» [Bauman, Briggs, 2003]. Отправной точкой для Баумана и Бриггса являются работы Ф. Бэкона и Дж. Локка, в которых элитарный язык вырывается из общества и становится очищенным, изолированным, автономным объектом рациональности в современности и противопоставляется «гибридам» – смешанным языкам, на которых говорили массы. На этой основе были разработаны другие взгляды, в которых рациональный и автономный взгляд на язык используется для определения

степени принадлежности других к модерну⁴⁸. Под Другими (не принадлежащими модерну) понимаются люди прошлого, сельское население, люди, которые живут в устной культуре, говорят на «диалектах» и придерживаются «традиций» [Blommaert, 2006: 517]. Я. Бломмартом вслед за Бауманом и Бриггсом делается очень важный вывод о том, что именно Бэкон и Локк заложили лингво-идеологическую основу современности, делая язык критерием разделения тех, кто принадлежит или не принадлежит модерну.

Отметим, что сказанным, безусловно, не исчерпывается история (языковых) идеологий; за рамками обзора осталась, к примеру, роль, которую сыграли идеологии в построении национальных государств, и ряд других аспектов. За более подробными сведениями по истории этого вопроса мы отсылаем читателя к соответствующим публикациям, например [Волошинов 1993; Kroskrity, 2010; Blommaert 2006; Bauman, Briggs, 2003; Woolard 1992; Woolard 2021].

3 | Языковые идеологии: определения и исследовательские подходы

После второй мировой войны в разделенном на два лагеря мире распространенным было упрощенное понимание идеологии вообще и языковой идеологии в частности как орудия и как объекта идеологической борьбы, а языка, соответственно, как инструмента пропаганды, «манипулирования общественным мнением» и «искажения реальности» [см., например: Бахнян, 1983]. Как пишет А.В. Рубцов, «Представление об идеологии в духе Маккиавелли как о высшей мере политического коварства никуда не делось и лишь модифицируется в самых разных теориях, хотя к настоящему времени и куда более изощренных [...] Не менее красноречив список более или менее стандартных признаков присутствия идеологии: предубеждения, упрощение, вторичная избирательность, эмоциональность вплоть до аффекта, потворство массовым предрассудкам и т. п.» [Рубцов, 2016: 5-6].

Впоследствии, после появления работ Фуко, Бурдье, Бодрийяра и других ученых такой прямолинейный взгляд на идеологию отошел в прошлое. В современном академическом дискурсе (см. определения ЯИ ниже) признается всепроникающий характер идеологий, их, с одной стороны, рационализируемый характер, с другой – не осознаваемый, не выводимый на уровень аналитической рефлексии, т. е. то, что А. В. Рубцов называет «идеологическим

⁴⁸ Модерн в социальных науках (гл. обр. в социологии) – предельно широко понимаемая эпоха социального развития человечества, совпадающая исторически с Новым временем, а также обобщённая характеристика обществ современного типа в их противопоставлении традиционному обществу [Подвойский, электронный ресурс].

бессознательным» – «скрытые, вытесняемые, латентные формы идеологии» [Рубцов, 2016: 40]. Также важен их перформативный, регулирующий характер. Все эти трактовки прослеживаются в определениях, согласно которым ЯИ – это:

- «системы представлений о социальных и языковых взаимоотношениях и о том, как они соотносятся с социальными ценностями» [Kroskrity, 2000: 5];
- «культурные представления о природе, форме и назначении языка, а также о коммуникативном поведении как реализации коллективного предписания» [Gal, Woolard, 1995: 30];
- морально и политически нагруженные представления о природе, структуре и использовании языков в социальном мире [Irvine, 1989];
- совокупность убеждений, мнений и представлений, которые говорящие имеют о языке, его использовании, роли в обществе и о его носителях и которые регулируют языковое поведение на сознательном и неосознанном уровне [Хилханова, 2022].

Можно выделить два основных подхода к анализу ЯИ: первый – *критический*, условно говоря, *политико-ориентированный подход*, второй – *нейтрально-описательный подход*, часто превращающийся в *культурно-ориентированный*.

В первом случае исследователи исходят из того, что «молчаливый», «само собой разумеющийся» характер ЯИ способствует «натурализации» здравого смысла, что в конечном счете укрепляет языковое и социальное неравенство [McCarty, 2011: 10]. Следовательно, задача ученого заключается во *вскрытии* идеологизированных и зачастую неявно выраженных структур власти, политического контроля и доминирования, стратегий включения и исключения, выраженных в языке и используемых в дискриминационных целях. Источником идеологии видятся, как правило, правящие группы, навязывающие ее подчиненным группам. Об эксплицитном характере идеологий сказано, к примеру, в [Dyers, Abongdia, 2010]: «Идеологии создаются в интересах определенной социальной или культурной группы: т. е. они коренятся в социально-экономической власти и корыстных интересах доминирующих групп». При этом подчиненные группы, которым навязываются такие идеологии, постепенно начинают воспринимать их как «нормальные» модели поведения, но могут и развивать свои собственные идеологии и дискурсы, противоположные идеологиям сильных мира сего (в качестве примера авторы приводят восстания Соуэто 1976 г. в Южной Африке, когда школьники восстали против навязывания африкаанс в качестве

языка обучения для половины предметов в средней школе, т.к. считали его «языком угнетателей».

В этом смысле термин (*языковая*) *идеология* используется целым рядом ученых и научных школ, преимущественно придерживающихся леводемократических взглядов. Наиболее последовательно этот подход реализован в рамках широкого направления дискурсного анализа – критического анализа дискурса (КАД). КАД рассматривает дискурс как форму социальной практики [Fairclough, Wodak, 1997] и исходит из того, что дискурсы формируют социальную практику и в то же время формируются ею [Wodak et al., 1999: 8].

Такой подход обуславливает интерес ученых, практикующих КАД, к дискурсам определенного рода - коммуникации в СМИ, политике и других политически ангажированных институциональных областях. Следовательно, КАД представляет собой аналитическое вмешательство в социальную и политическую практику. В отличие от других типов анализа дискурса, КАД не претендует на объективность, не занимает позицию социально нейтрального анализа, т. к. подобная мнимая политическая индифферентность, по мнению представителей этого направления, в конечном счете способствует поддержанию несправедливого *status quo*. В интерпретации КАД ЯИ могут создаваться и использоваться в манипулятивных целях путем лингвополитических мер через институты власти и образования. ЯИ могут быть реконструированы через высказывания или действия людей.

При критическом, политико-ориентированном подходе акцент делается на *групповом измерении, групповых идеологиях*. В целом способность сформировать собственную идеологию можно считать атрибутом некоей группы или движения. О высокой степени сформированности как группы (движения), так и ее идеологии могут свидетельствовать языковые маркеры «внешнего» признания, к примеру, суффикс *-изм* (феминизм, экологизм, расизм и т.д.), а также идущие «изнутри» попытки создания собственного «языка». Создание квази-языка (дискурса) под силу только наиболее институциализированным и огосударствленным идеологиям (социализм, нацизм и т. д.), а социальные группы и движения могут инициировать менее масштабные изменения в языковой структуре и использовании языка. Так, идеологии феминизма мы обязаны появлением феминитивов и целым рядом инициатив, направленных против сексизма в языке (в английском языке – отказ от употребления местоимения *he* в собирательной функции (Silverstein 1979) или компонента *man* в сложных существительных типа *businessman*, в немецком языке – отсутствовавшая ранее маркировка женского рода у существительных во множественном числе, когда подразумеваются представители обоих полов – *Forscher*innen, Migrant*innen*, и т. д.).

Для критического, политico-ориентированного подхода характерно сочетание широты и масштабности исследуемых социальных объектов – групп, движений, институций – и их языка – с более узкой интерпретацией идеологии. С этим связаны и недостатки критического подхода: анализ изначально становится критическим, что может идти в ущерб описательности и «объективности» (см. комментарий об этом ниже).

В более широкой интерпретации идеологии акцент *не* делается на политических коннотациях. Идеология понимается как всеобъемлющий конструкт, вне которого никто не может находиться [см. также Silverstein, 1979]. Языковые идеологии – это любые представления о языке, его природе, функциях и ценности. Соответственно, ЯИ присущи не только любой социальной группе (напр., ЯИ профессионального сообщества преподавателей французского языка [Загрязкина, 2016]), но и любому индивидууму.

Как говорилось выше, часто этот *нейтрально-описательный подход* превращается в *культурно-ориентированный*. Дефиниция ЯИ С. Гэл и К. Вулард как «культурных представлений о природе, форме и назначении языка, а также о коммуникативном поведении как реализации коллективного предписания» отражает именно такое понимание. Культура тогда интерпретируется как общая «рамка», в которой происходит формирование ЯИ как любых убеждений и представлений о языке. Это – расширительное понимание концепта культуры, распространенное в современных гуманитарных и социальных науках. Как пишет А. Б. Гофман, культура «превращается в некую базовую инстанцию, к которой постоянно прибегают для объяснения специфики общества <...> Социальные структуры и их развитие стали рассматриваться как результат действия совокупности культурных образцов, ценностей, традиций, символов и смыслов» [Гофман, 2010: 134].

Представляется, что такая максимально расширительная трактовка концепта культуры влечет за собой риск превращения его в «пустой» концепт, который обозначает всё, то есть ведет к неопределенности референта, что ослабляет его познавательную силу.

В заключение прокомментируем понятия объективности и нейтральности, использованные выше. На самом деле это предмет отдельной большой дискуссии, связанной с дилеммой научных подходов: «объективистский, сциентистский» vs. «качественный, этнографический». В эпистемологическом плане сциентистский подход базируется на идее объективистского познания, предполагающего четкое отделение исследователя от объекта исследования; исследователям предписывается позиция беспристрастного ученого, способного достичь точки зрения, свободной от ценностей и субъективных искажений. При втором подходе ставится под вопрос возможность и необходимость ценностно нейтрального

исследования, поскольку в этом случае теряются важнейшие грани познания человеческого опыта, связанные с процессом приятия смысла [Бусыгина 2024: 50, 52].

Конечно, предпочтение того или иного подхода во многом диктуется самим исследовательским объектом. ЯИ представляют собой «мягкий», динамичный исследовательский материал, в отличие от гораздо более «жесткой» и фиксированной структуры языка. Поэтому при их изучении «важнейшее значение приобретает рефлексия того, как в исследовании выстраивается репрезентация объекта, что вкладывает в нее исследователь и каким образом можно позитивно использовать эти “вклады” в производстве знания» [Там же: 52]. Следовательно, исследования ЯИ полностью «нейтральными» и «объективными» быть не могут: субъективность как исследователя, так и изучаемого объекта не отрицается, а является частью научного процесса. Тем не менее, это не исключает изначально непредвзятый подход к изучаемым явлениям: исследователь не пытается «подогнать» реальность под какую-либо модель, а исчерпывающе описывает ее особенности. Именно это значение вкладывалось нами в понятие *нейтрально-описательного* подхода.

4 | Минусы термина (языковая) идеология

1. Первым недостатком термина «идеология» является, если можно так выразиться, его *идеологизированность* и вытекающие из этого неприятие и негативные ассоциации. Как точно было сформулировано К. Гирцем, «По грустной иронии современной истории, понятие “идеология” само стало совершенно идеологическим» [Гирц 2004: 224]. Хотя эта фраза была написана еще в 1973 г., она актуальна и сейчас. В России, в частности, как показывает опыт, использование термина *языковые идеологии* во множественном числе не стало еще полностью устоявшейся конвенцией, несмотря на рост количества соответствующих исследований. Это может быть связано с устойчивостью представления о единичности идеологии в недавнем советском прошлом, а может, с тем, что, как метко было подмечено А. В. Рубцовым, в целом отношение к идеологии варьируется в диапазоне между настороженностью и агрессией; само это слово является либо крайне проблемным, либо откровенно ругательным [Рубцов 2016: 5]. Есть надежда, что с увеличением количества нейтрально-описательных исследований ЯИ это предубеждение будет преодолено. В целом многозначность термина (языковая) идеология (от марксистского понимания до нейтрального «система взглядов») мешает научным дискуссиям: исследователи могут говорить о разных вещах, используя один и тот же термин.

2. Вторым недостатком можно считать *наличие ряда близких по смыслу к ЯИ понятий*: языковые верования (*language beliefs*), языковые установки. Также альтернативой термину

идеологии является термин *социальные представления* С. Московичи. Наибольшее сходство существует между понятиями *языковая идеология* и *языковая установка*, что ведет к их нечеткому разделению. Некоторые авторы считают их практически идентичными, другие расходятся в интерпретациях. Например, одни рассматривают установки как явные проявления неявных идеологий [Sallabank, 2013: 76]. Другие предпочитают говорить о наличии в составе языковых идеологий языковых установок, но не наоборот. Тогда идеологии определяются как группы или конфигурации взаимозависимых установок и убеждений, организованных вокруг доминирующей темы [Converse, 1964] или как кластеры тематически связанных ценностей и установок [Olson, Maio, 2003]. Мы полагаем, что *языковые идеологии* и *языковые установки* – это разные понятия, за которыми стоят отдельные, хоть и пересекающиеся области исследований. Различия связаны с целым рядом факторов – от происхождения данных понятий и различных традиций исследования до отличий в методах изучения [см. об этом подробнее в: Baker, 1992; Kroskrity, 2016; Хилханова и др., 2016; Хилханова, 2022].

3. *Сложность операционализации для эмпирического исследования.* Поскольку ЯИ – это абстрактные ментальные конструкты, которые сложно «увидеть», их трудно изучать. Исследователи вынуждены анализировать их через:

- дискурс (что люди говорят о языке),
- метаязыковые комментарии (спонтанные оценки речи в разговоре),
- языковую политику (законы, уставы учебных заведений и т. д.).

Но между декларируемой идеологией, речевым поведением и глубинными установками может быть большой разрыв (о несоответствии установок и поведения см., напр.: Ajzen 1988; Хилханова и др. 2016). Выявлению истинной картины может помочь обращение к методу этнографического наблюдения и интроспекции (если исследователь сам может послужить источником искомого материала).

Также важно учитывать, что при анализе конкретных языковых практик есть риск впасть в *идеологический детерминизм*, предполагая, что языковые практики людей полностью определяются их идеологиями. Ведь существуют *рутинные, нерефлексируемые практики*: многие языковые привычки не осознаются и не являются частью какой-либо четкой идеологии, а формируются на уровне повседневности. Помимо этого, существуют и другие факторы, например, распространение стандартного языка связано не только с идеологией престижа или национализма, но и с такими материальными вещами, как система образования, издательское дело, законодательство, которые обладают собственной инерцией.

5 | Заключительные комментарии

Исследования ЯИ имеют двойственный статус: в западной науке они представляют собой уже отдельную, теоретически и методологически разработанную область исследований; некоторые даже считают, что языковая идеология стала в последние годы центральным понятием в западной социолингвистике [McKenzie, 2010: 20]. В этом качестве ЯИ создали на сегодня собственные тематические области/направления, неизбежно междисциплинарные. К таким относится, например, социально-семиотическое направление.

С другой стороны, «обращение к ЯИ открывает бесконечные возможности для переосмыслиния существующих научных исследований» [Blommaert, 2006: 511]. Действительно, появление этого концепта позволило по-новому взглянуть на традиционные социолингвистические темы языковых контактов, многоязычия, стандартизации языка и т. д. К примеру, языковые контакты как процесс и многоязычие как его результат (или состояние) изначально антропологичны (что ранее несколько упускалось из виду), ведь контактирование языков – явление по сути вторичное, т. к. соприкосновение языков начинается и осуществляется в речи дву- и многоязычных людей, но его результат закрепляется в языке [см. об этом подробнее: Михайлов, 1972: 197-198]. А любое использовании языка людьми, тем более «осложненное» двумя и более языками, несвободно от идеологии в широком или узком понимании термина. В конечном итоге именно ЯИ определяют, будет ли многоязычие поощряться или подавляться, считают ли люди и общество в целом недоминирующие языки ресурсом или проблемой. Даже то, что обычно обозначается как «внешние факторы» – языковая политика государства, положение языков в системе образования – является продуктом деятельности конкретных людей со всеми вытекающими из этого последствиями.

Важно понимание *механизма формирования и функционирования ЯИ*. Языковое (и жизненное) поведение человека, его (языковые) выборы определяются воздействием окружающей действительности, но не непосредственно, а опосредованно – через целостное отражение этой действительности в субъекте деятельности, т. е. через его установки и идеологии. В воздействии окружающей реальности всегда присутствует идеологическая составляющая, которая, однако, не просто «вставляется» в сознание, в его процессы и продукты как готовый модуль, а «производится внутри самого субъекта и самим субъектом, хотя и под контролем и влиянием» [Рубцов, 2016: 31]. Другими словами, идеологии являются продуктом сложных когнитивных процессов переработки информации извне и создания личностного смысла в сознании индивида. Эти личностные смыслы и идеологии, в свою

очередь, проецируются вовне, регулируя социальное поведение индивида и группы и влияя на социальную реальность, меняя ее и создавая новую.

Другими словами, механизм возникновения и функционирования ЯИ *реципрокальный*: если меняется социальная и политическая реальность, то языковые идеологии тоже постепенно меняются. Примером может послужить идеология ценности многоязычия и языкового разнообразия в Западной Европе, пришедшая на смену историческому подавлению европейских региональных языков; это произошло в результате изменения политической реальности в регионе после второй мировой войны. В качестве обратного примера (влияния идеологии на язык) можно привести языковую реформу в Турции, приведшую к массовой замене арабских и персидских заимствований словами с тюркскими корнями. Эта реформа, инициированная Ататюрком, была важной частью его националистической программы и идеологии.

При этом в целом вопрос влияния ЯИ на структуру языка является спорным. Существует мнение, что (языковые) идеологии мало влияют на саму структуру языка, однако, как справедливо отмечает К. Вулард, это связано скорее с со степенью политизации и осознания аналитиком того, что он понимает под «идеологическим». У того же У. Лабова, который считает, что идеология мало влияет на языковую форму, есть работы, предоставляющие значительные доказательства того, что теперь называют идеологическими эффектами [Woolard 2021]. К примеру, в его известной работе о языковой вариативности в речи жителей американского острова Мартас-Виньярд (англ. *Martha's Vineyard* – ‘виноградник Марты’) как раз продемонстрировано, что разное произношение дифтонгов /ai/ и /au/ разными возрастными и социальными группами островитян связано с их представлениями об островной идентичности и сопротивлением традиционных жителей Мартас-Виньярд происходящим вокруг них социальным изменениям. Фонетика, таким образом, оказалась несвободной от идеологии, став «рупором» социального маркирования.

В любом случае, независимо от использованного подхода – нейтрально-описательного или политико-ориентированного – исследования ЯИ представляют собой уже устоявшуюся и в то же время динамично развивающуюся и перспективную область исследований, в которой нас еще ждет много открытий.

ЛИТЕРАТУРА

Альтюссер, Л. Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) / пер. с фр. С. Рындина. Режим доступа: <https://knizhonka.com/read-book/ideologiya-i-ideologicheskie-apparatusy-gosudarstva-lui-altyusser.html>. Дата обращения: 02.03.2022.

- Бахнян, К. В. Язык и идеология: социолингвистический аспект // Язык как средство идеологического воздействия. М.: ИНИОН, 1983. С. 34–58.
- Бурдье, П. Социология социального пространства / пер. с франц.; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. 528 с.
- Бусыгина, Н. П. Количественные и качественные методы исследований в психологии: учебник для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2024. 448 с.
- Ван Дейк, Т. А. Расизм и язык / пер. с англ. М.: ИНИОН, 1989. 272 с.
- Волошинов, В. Н. (М. М. Бахтин) Марксизм и философия языка: основные проблемы социологического метода в науке о языке. Комментарии В. Махлина. М.: Лабиринт, 1993. 312 с.
- Гириц, К. Интерпретация культур / пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2004. 368 с.
- Гофман, А. Б. Социальное – социокультурное – культурное: историко-социологические заметки о соотношении понятий «общество» и «культура» // Социологический ежегодник. № 1, 2010. С. 128–136.
- Загрязкина, Т. Ю. Французский язык в русскоязычном пространстве: традиции обучения как феномен культуры // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 4, 2016. С. 78–89.
- Михайлов, М. М. Двуязычие и взаимовлияние языков // Проблемы двуязычия и многоязычия. М.: Наука, 1972. 224 с.
- Подвойский, Д. Г. Модерн // Большая российская энциклопедия. Режим доступа: <https://old.bigenc.ru/philosophy/text/2221721?ysclid=mfqw4vuef3603030974>. Дата обращения: 20.09.2025.
- Рубцов, А. В. Практическая идеология. К аналитике идеологических процессов в политической и социокультурной реальности. М.: ИФ РАН, 2016. 280 с.
- Серио, П. В поисках четвертой парадигмы // Философия языка: в границах и вне границ: междунар. сер. моногр. / ред. Ю. С. Степанов и др. Харьков: Око, 1993. С. 112–135.
- Хилханова, Э. В. Языковая установка и языковая идеология в западной и российской науке: о различии понятий // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 3, 2022. С. 148–162.
- Хилханова, Э. В., Дырхеева, Г. А., Любимова, Л. М., Сундуева, Д. Б. Языковое сознание и языковые установки жителей приграничных районов востока России (на примере Республики Бурятия и Забайкальского края). М.: Наука – Восточная литература, 2016. 320 с.
- Ajzen I. (1988) Attitudes, personality and behavior. Chicago: Dorsey Press. 175 p.
- Baker C. (1992) Attitudes and language. Clevedon: Multilingual Matters. 200 p.
- Bauman R., Briggs C. (2003) Voices of modernity: language ideologies and the politics of inequality. Cambridge: Cambridge University Press. 356 p.
- Blommaert J. (2006) Language Ideology // Encyclopedia of Language & Linguistics. Vol. 6. P. 510–522. Oxford: Elsevier.
- Converse P. (1964) The nature of belief systems in mass publics // Ideology and discontent / Ed. D. Apter. New York, NY: Free Press. P. 206–261.
- Dyers C., Abongdja J.-F. (2010) An exploration of the relationship between language attitudes and ideologies in a study of Francophone learners of English in Cameroon // Journal of Multilingual and Multicultural Development. Vol. 31, No. 2. P. 119–134.
- Fairclough N., Wodak R. (1997) Critical Discourse Analysis // Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction. Vol. 2. Ed. T. van Dijk. London: Sage. P. 258–284.
- Foucault M. (1988) Archäologie des Wissens. Frankfurt a.M.: Suhrkamp. 312 p.
- Gal S., Woolard K. (1995) Constructing Languages and Publics: Authority and Representation // Pragmatics. Vol. 5, Iss. 2. P. 129–138.

- Irvine J. T. (1989) When Talk Isn't Cheap: Language and Political Economy // *American Ethnologist*. Vol. 16. P. 248–267.
- Kroskrity P. (2010) Language ideologies: Evolving perspectives // *Language Use and Society (Handbook of Pragmatics Highlights)* / Ed. J. Jaspers. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins. P. 192–211.
- Kroskrity P. (2016) Language ideologies and language attitudes. Available at: <https://doi.org/10.1093/OBO/9780199772810-0122>. Accessed: 11.04.2022.
- McKenzie R. (2010) *The Social Psychology of English as a Global Language: Attitudes, Awareness and Identity in the Japanese Context*. Springer.
- Olson J. M., Maio G. R. (2003) Attitudes in social behavior // *Handbook of psychology: Personality and social psychology* / Eds. T. Millon, M. J. Lerner. New Jersey, NJ: John Wiley & Sons. P. 299–326.
- Piller I. (2015) Language ideologies // *The International Encyclopedia of Language and Social Interaction*. Vol. 2 / Eds. K. Tracy, C. Ilie, T. Sandel. Wiley-Blackwell. P. 917–927.
- Sallabank J. (2013) Attitudes to endangered languages: identities and policies. New York: Cambridge University Press.
- Silverstein M. (1979) Language Structure and Linguistic Ideology // *Chicago Linguistic Society*. Chicago.
- Wodak R., de Cillia R., Reisigl M., Liebhart M. (1999) The Discursive Construction of National Identity. Trans. A. Hirsch and R. Mitten. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Woolard K. A. (1992) Language Ideology: Issues and Approaches // *Language Ideologies* / Eds. P. Kroskrity, B. Schieffelin, K. Woolard. Special Issue of *Pragmatics*. Vol. 2, No. 3. P. 235–249.
- Woolard K. A. (2021) Language Ideology // *The International Encyclopedia of Linguistic Anthropology* / Ed. J. Stanlaw. John Wiley & Sons. DOI: 10.1002/9781118786093.iela0217. P. 1–21.

REFERENCES

- Althusser, L. (n.d.) *Ideologiya i ideologicheskie apparaty gosudarstva (zametki dlya issledovaniya) [Ideology and Ideological State Apparatuses (Notes for Research)]*. Translated from French by S. Ryndin. Available at: <https://knizhonka.com/read-book/ideologiya-i-ideologicheskie-apparaty-gosudarstva-lui-altysser.html> (Accessed: 2 March 2022). (In Russian).
- Bakhnyan, K.V. (1983) Yazyk i ideologiya: sotsiolingvisticheskii aspekt [Language and Ideology: Sociolinguistic Aspect], in *Yazyk kak sredstvo ideologicheskogo vozdeistviya [Language as a Tool of Ideological Influence]*. Moscow: INION, pp. 34–58. (In Russian).
- Bourdieu, P. (2007) *Sotsiologiya sotsialnogo prostranstva [Sociology of Social Space]*. Translated from French; ed. N.A. Shmatko. Moscow: Institut eksperimentalnoi sotsiologii; St. Petersburg: Aleteiya. (In Russian).
- Busygina, N.P. (2024) *Kolichestvennye i kachestvennye metody issledovanii v psikhologii [Quantitative and Qualitative Research Methods in Psychology]*. Moscow: Yurait. (In Russian).
- Van Dijk, T.A. (1989) *Rasizm i yazyk [Racism and Language]*. Translated from English. Moscow: INION. (In Russian).
- Voloshinov, V.N. (M.M. Bakhtin) (1993) *Marksizm i filosofiya yazyka: osnovnye problemy sotsiologicheskogo metoda v nauke o yazyke [Marxism and the Philosophy of Language: Main Problems of the Sociological Method in Linguistics]*. Commentary by V. Makhlina. Moscow: Labirint. (In Russian).
- Geertz, C. (2004) *Interpretatsiya kultur [The Interpretation of Cultures]*. Translated from English. Moscow: ROSSPEN. (In Russian).

- Gofman, A.B. (2010) Sotsialnoe – sotsiokulturnoe – kulturnoe: istoriko-sotsiologicheskie zametki o sootnoshenii ponyatii “obshchestvo” i “kultura” [Social – Sociocultural – Cultural: Historical-Sociological Notes on the Relation Between “Society” and “Culture”], *Sotsiologicheskii ezhegodnik*, No. 1, pp. 128–136. (In Russian).
- Zagryazkina, T.Yu. (2016) Frantsuzskii yazyk v russkoyazychnom prostranstve: traditsii obucheniya kak fenomen kultury [French in the Russian-Speaking Space: Teaching Traditions as a Cultural Phenomenon], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya*, No. 4, pp. 78–89. (In Russian).
- Mikhailov, M.M. (1972) *Dvuyazychiye i vzaimovliyanie yazykov* [Bilingualism and Language Interaction]. Moscow: Nauka. (In Russian).
- Podvoiskii, D.G. (n.d.) Modern, *Bolshaya rossiyskaya entsiklopediya* [Great Russian Encyclopedia]. Available at: <https://old.bigenc.ru/philosophy/text/2221721?ysclid=mfqw4vuef3603030974> (Accessed: 20 September 2025). (In Russian).
- Rubtsov, A.V. (2016) *Prakticheskaya ideologiya: k analitike ideologicheskikh protsessov v politicheskoi i sotsiokulturnoi realnosti* [Practical Ideology: On the Analysis of Ideological Processes in Political and Sociocultural Reality]. Moscow: IF RAN. (In Russian).
- Serio, P. (1993) V poiskakh chetvertoi paradigm [In Search of the Fourth Paradigm], in Stepanov, Y.S. et al. (eds.) *Filosofiya yazyka: v granitsakh i vne granits: mezdunar. ser. monogr.* [Philosophy of Language: Within and Beyond Boundaries: Intl. Series of Monographs]. Kharkov: Oko, pp. 112–135. (In Russian).
- Khilkhanova, E.V. (2022) Yazykovaya ustavok i yazykovaya ideologiya v zapadnoi i rossiiskoi naуke: o razgranichenii ponyatii [Language Attitude and Language Ideology in Western and Russian Science: On the Distinction of Concepts], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya*, No. 3, pp. 148–162. (In Russian).
- Khilkhanova, E.V., Dyirkheeva, G.A., Lyubimova, L.M., Sundueva, D.B. (2016) *Yazykovoe soznanie i yazykovye ustavok zhitelei prigranichnykh raionov vostoka Rossii* [Language Consciousness and Language Attitudes of Residents of Eastern Russian Border Regions]. Moscow: Nauka – Vostochnaya literatura. (In Russian).
- Ajzen, I. (1988) *Attitudes, Personality and Behavior*. Chicago: Dorsey Press.
- Baker, C. (1992) *Attitudes and Language*. Clevedon: Multilingual Matters.
- Bauman, R., Briggs, C. (2003) *Voices of Modernity: Language Ideologies and the Politics of Inequality*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Blommaert, J. (2006) Language Ideology, in *Encyclopedia of Language & Linguistics*, Vol. 6, pp. 510–522. Oxford: Elsevier.
- Converse, P. (1964) The Nature of Belief Systems in Mass Publics, in Apter, D. (ed.) *Ideology and Discontent*. New York, NY: Free Press, pp. 206–261.
- Dyers, C., Abongdia, J.-F. (2010) An Exploration of the Relationship Between Language Attitudes and Ideologies in a Study of Francophone Learners of English in Cameroon, *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 31(2), pp. 119–134.
- Fairclough, N., Wodak, R. (1997) Critical Discourse Analysis, in van Dijk, T. (ed.) *Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction*, Vol. 2. London: Sage, pp. 258–284.
- Foucault, M. (1988) *Archäologie des Wissens* [The Archaeology of Knowledge]. Frankfurt a.M.: Suhrkamp.
- Gal, S., Woolard, K. (1995) Constructing Languages and Publics: Authority and Representation, *Pragmatics*, 5(2), pp. 129–138.
- Irvine, J.T. (1989) When Talk Isn't Cheap: Language and Political Economy, *American Ethnologist*, 16, pp. 248–267.
- Kroskrity, P. (2010) Language Ideologies: Evolving Perspectives, in Jaspers, J. (ed.) *Language Use and Society (Handbook of Pragmatics Highlights)*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, pp. 192–211.

- Kroskrity, P. (2016) Language Ideologies and Language Attitudes. Available at: <https://doi.org/10.1093/OBO/9780199772810-0122> (Accessed: 11 April 2022).
- McKenzie, R. (2010) *The Social Psychology of English as a Global Language: Attitudes, Awareness and Identity in the Japanese Context*. Springer.
- Olson, J.M., Maio, G.R. (2003) Attitudes in Social Behavior, in Millon, T., Lerner, M.J. (eds.) *Handbook of Psychology: Personality and Social Psychology*. New Jersey, NJ: John Wiley & Sons, pp. 299–326.
- Piller, I. (2015) Language Ideologies, in Tracy, K., Ilie, C., Sandel, T. (eds.) *The International Encyclopedia of Language and Social Interaction*, Vol. 2. Wiley-Blackwell, pp. 917–927.
- Sallabank, J. (2013) *Attitudes to Endangered Languages: Identities and Policies*. New York: Cambridge University Press.
- Silverstein, M. (1979) Language Structure and Linguistic Ideology, *Chicago Linguistic Society*, Chicago.
- Wodak, R., de Cillia, R., Reisigl, M., Liebhart, M. (1999) *The Discursive Construction of National Identity*. Translated by A. Hirsch and R. Mitten. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Woolard, K.A. (1992) Language Ideology: Issues and Approaches, in Kroskrity, P., Schieffelin, B., Woolard, K. (eds.) *Language Ideologies*. Special Issue of *Pragmatics*, 2(3), pp. 235–249.
- Woolard, K.A. (2021) Language Ideology, in Stanlaw, J. (ed.) *The International Encyclopedia of Linguistic Anthropology*. John Wiley & Sons. DOI: 10.1002/9781118786093.iela0217, pp. 1–21.

Хилханова Эржен Владимировна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкоznания РАН.

Адрес: 125009, Россия, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1/1.

Эл. адрес: erzhen133@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9369-343X>

Khilkhanova Erzhen Vladimirovna – Doctor of Philology, leading researcher at the Research Center on Ethnic and Language Relations of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences.

Address: B. Kislovsky lane 1/1, Moscow. Russia, 125009.

Email address: erzhen133@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9369-343X>

Для цитирования: Хилханова Э. В. Языковые идеологии // Социолингвистика. 2025. № 3 (23). С. 210–224. DOI: 10.37892/2713-2951-3-23-210-224

For citation: Khilkhanova E. V. Language ideologies // Sociolinguistica. 2025. No. 3 (23). Pp. 210–224. (In Russian). DOI: 10.37892/2713-2951-3-23-210-224

Заявление о конфликте интересов | Conflict of interest statement

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 03.04.2025;
approved after reviewing 30.05.2025;
accepted for publication 12.10.2025.